

## История

### Участие корейских иммигрантов в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии и их судьбы в СССР по материалам архивно-следственных дел (1935–1938 гг.)

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011600-1

**Тен Виктор Алексеевич**

Доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет. E-mail: victen1943@mail.ru.

**Ким Наталья Николаевна**

Кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nkim@hse.ru.

*Аннотация:*

Вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г., последовавшая за этим война между Китаем и Японией привели к массовым перемещениям населения в регионе. Сотни корейских иммигрантов, проживавших в Маньчжурии, участвующих в антияпонском сопротивлении, стали перебираться на советскую территорию. В СССР они были депортированы из Дальневосточного края в глубь страны. В статье на основе ранее не опубликованных архивно-следственных дел Кустанайского УНКВД продемонстрировано, каким образом сложились судьбы корейских иммигрантов в СССР в 1935–1938 гг.

*Ключевые слова:*

Антияпонское сопротивление, корейские перебежчики из Маньчжурии, депортация корейцев, политические репрессии, советско-японские отношения.

*Для цитирования:*

Тен В.А., Ким Н.Н. Участие корейских иммигрантов в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии и их судьбы в СССР по материалам архивно-следственных дел (1935–1938 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 164–179.  
DOI: 10.31857/S013128120011600-1.

## History

### Investigative Files on the Participation of Korean Immigrants in the Anti-Japanese Resistance in Manchuria and Immigrants' Destinies in the USSR

**Victor Ten**

D.Sc. in History, professor, Moscow Oblast State University. E-mail: victen1943@mail.ru.

**Natalia Kim**

Ph.D. in History, associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, and research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: nkim@hse.ru.

*Abstract:*

The Japanese invasion of Manchuria in 1931 followed by the war between China and Japan led to mass displacement of population in the region. Hundreds of Korean immigrants living in Manchuria and participating in anti-Japanese resistance had to move to Soviet territory. In the USSR,

they were deported from the Far East to the inland. Based on analysis of the previously unpublished archival investigative files of the People's Commissariat of Internal Affairs of the Kustanai oblast, this study traces the fates of Korean immigrants in the USSR in the 1935–1938s.

This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea NRF — 2017S1A5B4055531.

*Key words:*

Anti-Japanese resistance, Korean refugees from Manchuria, deportation of Koreans, political repressions, Soviet-Japanese relations.

*For citation:*

Ten V.A., Kim N.N. Investigative Files on the Participation of Korean Immigrants in the Anti-Japanese Resistance in Manchuria and Immigrants' Destinies in the USSR // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 164–179. DOI: 10.31857/S013128120011600-1.

## Корейский фактор в советско-японских отношениях в 1920-е—1930-е годы

В августе 1910 г. Корея была аннексирована Японской империей, утратив на долгие годы государственный суверенитет (1910–1945). Антияпонские настроения, существовавшие в Корее еще и до аннексии, вылились в вооруженные выступления отрядов *Блйбён* (Армии справедливости), организованные представителями корейской аристократии, а также средних и беднейших слоев населения, не желавших мириться с колониальным режимом. Японцам пришлось приложить немалые усилия для стабилизации внутриполитической ситуации в Корее в первые годы управления колонией. Не имея более возможности вести антияпонскую деятельность непосредственно в самой Корее, радикальные сторонники восстановления независимости своей страны вынуждены были бежать на приграничные территории российского Приморья и Маньчжурии, где уже существовали корейские иммигрантские поселения из крестьян-арендаторов и формировались антияпонские повстанческие отряды<sup>1</sup>. В Маньчжурии корейцы селились преимущественно в двух регионах — Цзяньдао (на границе с р. Туманган) и Дунбяньдао, в районе р. Амноккан (Ялуцзян), ставшие впоследствии главными центрами антияпонского вооруженного сопротивления корейских патриотов<sup>2</sup>. Так постепенно на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии стали аккумулироваться антияпонские корейские силы, присут-

1. Пан Бён Юль. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalniy-vostok-1905-1910-gg> (дата обращения: 06.01.2020).
2. Длительное время китайские власти не препятствовали корейским иммигрантам селиться, приобретать землю в собственность в Маньчжурии. Ссылаясь на японские источники, Гайкин В.А. приводит данные переписи 1907 г., согласно которым в Цзяньдао проживало 72076 корейцев, тогда как китайцев — всего 21 983. А по данным российского консульства в Сеуле, в 1915 г. в Цзяньдао проживало около 200 тыс. корейцев. После аннексии Кореи Японией и усиления японского влияния в Маньчжурии в 1920-е годы ситуация стала меняться. Япония ограничила корейцев в правах смены подданства, стала требовать от китайских властей равных с корейцами прав в приобретении земли в Китае, что вызвало недовольство последнего. Таким образом, корейская эмиграция в Маньчжурию, активность в этом регионе корейских партизан стали одним из факторов влияния на развитие отношений Китая и Японии в первой четверти XX в. // Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы. Владивосток, 2004. С. 113; Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии // Россия и АТР, 2012. С. 104–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-interventsiya-na-dalнем-vostoke-rossii-1918-1922-i-antiyaponskaya-borba-v-manchzhurii>; АВПРИ. Ф. 283. Оп. 766. Д. 236. Л. 28.

ствие которых не могло не сказаться на выстраивании отношений между Советской Россией и Японией в 1920-е—1930-е годы, равно как Японии и Китая<sup>3</sup>.

Приход к власти в России большевиков, активно пропагандирующих идею самоопределения наций в колониально зависимых странах Азии, резко повысил значение корейских партизанских отрядов, боровшихся с японским режимом. С началом японской интервенции на российский Дальний Восток и Сибирь в 1918 г.<sup>4</sup> большевики стали уделять особое внимание работе с корейскими политическими деятелями, непосредственно связанными с вооруженными подразделениями корейских партизан, надеясь на их помощь в борьбе с японским империализмом. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что корейские иммигранты в Сибири и Приморье вливались в ряды Красной армии в годы Гражданской войны. При этом в целом характер взаимоотношений между советской властью и корейской общиной на Дальнем Востоке в период существования Дальневосточной Республики (ДВР, 1920–1922) был неоднозначный. Корейцы, не желавшие вступать в Красную армию, перебирались на китайскую территорию в Маньчжурию<sup>5</sup>. В свою очередь японцы, оккупировавшие отдельные территории российской территории Дальнего Востока и Восточной Сибири, поощряли распространение шпионажа в корейской среде, усиливая таким образом раздор между корейцами.

Когда большевики начали переговоры с Японией об условиях мирного урегулирования, то встал вопрос о существовании на территории России антияпонских партизанских отрядов. Борьба с корейскими коммунистами, действующими на советско-корейской, а также советско-китайской границах имела особое значение для Японии<sup>6</sup>. В итоге при подписании Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 20 января 1925 г. в ст. 5 было прописано, что «ни одна из сторон не будет разрешать присутствие на территории, находящейся под ее юрисдикцией, организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части другой стороны», а также не допустит «чужеземных подданных или граждан, относительно которых было обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп»<sup>7</sup>. Нормализация отношений с Японией на Дальнем Востоке была бы крайне осложнена, если бы советская власть и далее активно поощряла деятельность корейских повстанческих отрядов. Как следствие нового внешнеполитического курса, советскому правительству необходимо было поставить под полный контроль деятельность корейских партизан, действующих на советско-корейской границе. Корейские отряды были распущены или присоединены к Красной армии; корейские иммигранты, которые служили в Красной армии или участвовали в партизанских отрядах на стороне большевиков, будучи формально иностранными подданными, могли получить советское гражданство по упрощенной процедуре.

3. Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии. // Россия и АТР, 2012. С. 107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-interventsiya-na-dalnem-vostoke-rossii-1918-1922-i-antiyaponskaya-borba-v-manchzhurii>.
4. В статье Х. Ямагата «Крах японской политики в Сибири» (газета «Воля», 16.07.1920) указано, что Япония отправила в Сибирь 73400 солдат, в 10 раз больше чем изначально обещали США, Англии и Франции // Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы. С. 118; Кошкин А. Об истории японской интервенции на Дальнем Востоке и Сибири. URL: [regnum.ru/news/polit/2425353.html](http://regnum.ru/news/polit/2425353.html) (дата обращения: 06.01.2020).
5. Газета «Уссурийское слово» в 1921 г. неоднократно сообщало о случаях столкновений между корейцами и большевиками. См.: Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). С. 165, 166, 169, 171.
6. Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы... С. 193.
7. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. URL: <https://www.priib.ru/item/337144> (дата обращения: 06.01.2020).

После заключения советско-японской Конвенции 1925 г. российские корейцы не вели вооруженной борьбы против японской колониальной администрации. Главным центром вооруженного антияпонского сопротивления корейцев стала Маньчжурия. По материалам японской разведки в районе Цзяньдао в 1920 г. действовало 7 корейских национально-патриотических организаций общей численностью в 3500 человек. Лидерами этих организаций были видные деятели корейского национально-освободительного движения — Хон Бомдо, Со Ир, Чэ Мённон, Ли Бомюн, Пан Моён<sup>8</sup>. В 1930-е годы корейские переселенцы в Маньчжурию продолжили вести активную партизанскую борьбу против японских войск на Северо-Востоке Китая. Они создавали самостоятельные корейские или смешанные китайско-корейские партизанские отряды или действовали в составе китайских вооруженных соединений. Южнокорейский историк Ли Гибэк писал, что Маньчжурия в первой половине 1930-х годов «была центром усилий за восстановление корейской независимости....Силы корейских партизан многократно атаковали подразделения японской армии и полиции как в Маньчжурии, так и, пересекая границу, на корейской территории»<sup>9</sup>. Эндрю С. Нам в обобщающем труде по истории Кореи обращает внимание на участие корейцев в «военных отрядах китайских коммунистов в Маньчжурии»<sup>10</sup>.

Интервенция Японии в Маньчжурию в 1931 г. и создание на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-го (1932–1945) существенно сказались на положении корейских повстанческих отрядов, создав серьезные препятствия для вооруженной борьбы с японцами. Вторжение Японии в Китай в июле 1937 г. и начало полномасштабной войны между ними привело к резкому сокращению партизанских нападений. Если «летом 1932 г. численность бойцов достигла 36 тысяч человек»<sup>11</sup>, то уже к сентябрю 1936 г. в районе Дунбяньдао (одном из центров партизанского движения в Маньчжурии) насчитывалось чуть более 5,5 тысяч корейских партизан, осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии «продолжали борьбу не более 400 партизан, по всей Маньчжурии — 1600»<sup>12</sup>. С.О. Курбанов пишет, что «с 1936 г. активные вооруженные выступления корейских партизан в Маньчжурии закончились. Часть корейских партизан перешла вглубь территории Китая и продолжила борьбу с японцами в союзе с китайскими патриотами»<sup>13</sup>, а часть бежала в советское Приморье. О факте вынужденного перехода антияпонских корейских партизан через границу Китая в СССР упоминает Эндрю С. Нам: «...японцы усилили свою антипартизанскую кампанию и к началу 1938 г. многие мань-

8. Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии. //Россия и АТР, 2012. С. 107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-interventsiya-na-dalnem-vostoke-rossii-1918-1922-i-antiyaponskaya-borba-v-manchzhurii> (дата обращения: 06.01.2020).

9. Lee Ki-baik. A New History of Korea. Cambridge, 1987, p. 364.

10. Nahm Andrew C. Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988, p. 321.

11. Гайкин В.А. Антияпонская борьба корейских партизан в Маньчжоу-го (начальный этап) // АТР и Россия, 2012. № 2. С. 111.

12. Гайкин В.А. Антияпонское сопротивление в Юго-Восточной Маньчжурии (1937–1941) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiyaponskoe-soprotivlenie-v-yugo-vostochnoy-manchzhurii-1937-1941-gg> (дата обращения: 06.01.2020). Исходя из «Справки К.Ф. Вилкова, И.П. Плышевского, А.Г. Зюзина и А.И. Когана «Состояние партийных организаций и партизанского движения в Маньчжурии» от 23 мая 1941 г., на конец 1940 г. в трех так называемых объединенных партизанских армиях Маньчжурии (в Восточном Гирине, Южной Маньчжурии и Северной Маньчжурии) насчитывалось не более 1000 человек // ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007. С. 754.

13. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009. С. 378.

чжурские корейцы — члены Общества Возрождения Отечества<sup>14</sup> бежали либо в Китай, либо в Сибирь, а Общество было фактически уничтожено японцами»<sup>15</sup>. Американский историк Майкл Гелб также сообщает, что «в течение 30-х годов корейским партизанам, сражавшимся с японцами в Маньчжурии (многие в китайских подразделениях), иногда приходилось искать убежища через советскую границу. Советы размещали и обучали их, а также иногда арестовывали их, как возможных японских шпионов»<sup>16</sup>. Иными словами, вследствие расширения сферы влияния Японии в Китае и китайско-японской войны, многие корейские иммигранты, в том числе партизаны, рассеялись по Китаю или бежали из Маньчжурии на советский Дальний Восток.

В 1932 г. японские войска вышли к берегам Амура, Уссури и Аргуни, создав тем самым напряженную ситуацию на дальневосточных рубежах СССР. Выход японских войск на границу с Советским Союзом воспринимался последним как военная угроза. Как писал Б.Н. Славинский, «... всю первую половину 30-х годов Москва рассматривала Японию как значительно более серьёзный источник военной опасности для СССР, чем Германия»<sup>17</sup>. Хотя Сталин в связи с Маньчжурским инцидентом в сентябре 1931 г. высказался против какого-либо военного вмешательства Советского Союза, но был обеспокоен сложившейся ситуацией. Советская сторона стала активно лоббировать вопрос о заключении между Японией и СССР договора о ненападении. В декабре 1931 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов «затронул тему заключения пакта о ненападении» в беседе с министром иностранных дел Японии К. Есидзава<sup>18</sup>. На переговоры о пакте о ненападении ушли долгие годы, прежде чем он в итоге был подписан (пакт о нейтралитете СССР с Японией был заключен 13 апреля 1941 г.). За это время СССР сделал ряд шагов, которые должны были нейтрализовать потенциальную агрессию со стороны Японии. Так, например, в марте 1935 г. СССР продал КВЖД за низкую цену правительству Маньчжоу-го. При этом он ускорил укрепление своих военных позиций в регионе, создав самостоятельную группировку войск на предполагаемом дальневосточном театре военных действий. Боевая мощь сухопутных войск, артиллерии, танков и особенно бомбардировочной авиации уже в 1937 г. обеспечивали надежную защиту территории СССР в случае войны с Японией.

В 1936 г. Япония и Германия подписали Антикоминтерновский пакт, чем спровоцировали резкое ухудшение в советско-японских отношениях. Напряженность между Японией и СССР достигла своей кульминации в 1938 и 1939 г., когда произошли бои у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол на монголо-маньчжурской границе. Именно в условиях усиления антияпонских настроений в СССР в 1937 г. началась массовая депортация корейцев из Дальневосточного края РСФСР.

---

14. Общество Возрождения Отечества (Чогук кванбокхве) было создано корейскими националистами левого толка в Маньчжурии при содействии Коммунистической партии Китая в 1936 г. Общество занималось политической работой среди корейского населения, проживавшего в районе китайско-корейской границы, а также совместно с китайскими коммунистами вело вооруженную борьбу против японской власти, организовывало рейды в северные провинции Кореи.

15. *Nahm Andrew C.* Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988, p. 321.

16. *Gelb Michael.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*, Vol. 54, No. 3. (July, 1995). Pp. 389–412.

17. *Славинский Б.Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999. С. 52.

18. *Черепанов К.В.* Между Китаем и Японией. Дальневосточная стратегия СССР в 1931–1941 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4(16). С. 107.

### Корейские перебежчики из Маньчжурии на советском Дальнем Востоке в 1930-е годы<sup>19</sup>

Реальные возможности вооруженной антияпонской борьбы корейских партизан на территории Маньчжурии резко уменьшились в условиях расширения агрессии Японии против Китая, которая до конца 1938 г. захватила почти половину китайской территории. Кроме того, «в результате поголовного изгнания корейского населения российский Дальний Восток перестал функционировать, как один из внешних для Кореи очагов антияпонского национально-освободительного сопротивления»<sup>20</sup>. В связи с этим важна реакция СССР на разгром антияпонских сил в Маньчжурии и учёт его влияния на безопасность советского государства, включая последствия перехода многих сотен корейских партизан на территорию Дальневосточного края.

Переход корейцев из Маньчжурии на советскую территорию облегчала и общность корейских диаспор на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Основным местом проживания корейских иммигрантов 1-го и 2-го поколений в СССР были приграничные районы советского Дальневосточного края<sup>21</sup>. По архивным данным, в 1922–1923-гг. в РСФСР проживало около 150 тыс. корейцев, из них 140 тыс. в Дальневосточном крае (70% были иммигранты)<sup>22</sup>. В 1935–1936 гг. численность корейцев Дальневосточного края значительно выросла и составила 199 500<sup>23</sup>. Что касается корейских иммигрантов в Маньчжурии, то к концу 30-х годов там проживало около 1 млн человек (иммигранты 1-го и отчасти 2-го поколения),<sup>24</sup> то есть в 5 раз больше чем в СССР.

К середине 30-х годов советско-китайская (маньчжурская) граница стала разделительной линией для основной массы зарубежных корейцев — выходцев из северной части Кореи, большинство которых говорили на хамгёнском<sup>25</sup> или близких диалектах корейского языка, компактно проживали на соседних территориях, но в разных странах — СССР и Китае, точнее, на китайской территории подвластной императорской Японии.

Естественно, что существовали не только экономические и культурные связи корейских диаспор обеих держав. Во многом сохранялись, невзирая на границу, традиционные земляческие, клановые и родственные связи, в рамках которых шли взаимные самовольные (юридически — незаконные) переходы через государственную границу

19. Основным источником фактических данных о перебежчиках из Китая в этом разделе является хранящийся в архиве управления КГБ по Кустанайской области (ныне переименованном в Специальный государственный архив Департамента МВД Кустанайской области) архивно-следственный материал о лицах, репрессированных в 1938 году и посмертно реабилитированных в 1989–1991 гг. Некоторые сведения хронико-биографического плана были перепроверены и уточнены по находящимся в Интернете базам данных о репрессированных лицах. Часть сведений биографического плана была также опубликована управлениями Комитетов КНБ по областям Республики Казахстан и/или в «книгах скорби/памяти», изданных в 1998–2000-х годах при поддержке региональных органов власти.

20. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). Москва — Иркутск, 1995. С. 239; *Ли Вл.Ф.* Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век). М., 2000. С. 114.

21. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 87.

22. АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 7. П. 108. Д. 14. Л. 110.

23. РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 115. Л. 16. Цит. по: *Сон Ж.Г.* Российские корейцы: вселилие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М., 2013. С. 183.

24. Историю корейских иммигрантов в Китае до 1945 г. достаточно подробно осветил Ким Г.Н. в своем труде «История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. — 1945». Алматы, 1999. С. 204–262.

25. Хамгёнский диалект — диалект, на котором говорят в провинциях Северная Хамгён и Южная Хамгён (в настоящее время территория КНДР).

СССР. По данным Е.Н. Лыковой, «в год на территорию (Дальневосточного) края просачивались не менее 20 тыс. человек, половина которых задерживалась на границе»<sup>26</sup>. Правда, Бэ Ын Гиёнг считает, что приток корейских иммигрантов, шедших в конце 1920-х — 1930-е годы через Северо-Восток Китая на земли Дальневосточного края РСФСР, не превышал 5–6 тыс. человек в год<sup>27</sup>. Вместе с тем в 1930-е годы усиливалась активность японских спецслужб на советской территории. В Советском Союзе была официально провозглашена борьба против агентов иностранных государств, имея в виду и японский шпионаж против СССР.

Дальневосточные советские пограничники называли всех участников нелегальных переходов советско-китайской границы «перебежчиками из Китая». «Корейцы — перебежчики из Китая». Это термин, употреблявшийся на российском Дальнем Востоке в отношении этнических корейцев, которые переселились с Корейского полуострова сначала на юг северо-восточного Китая (в Маньчжурию), а в 1930-е годы стали переходить на российский Дальний Восток. Социальный состав перебежчиков был неоднороден: среди них могли быть уходившие от японских войск «красные партизаны», экономические иммигранты, обыкновенные крестьяне, ходившие в гости к родственникам и друзьям на территорию Дальневосточного края РСФСР, а также контрабандисты. Скрытые агенты японской разведки тоже стремились под видом «перебежчиков» проникнуть на советский Дальний Восток. Поэтому был вполне обоснован приказ советским пограничникам, требовавший всех перебежчиков, особенно солдат китайских армий и всех партизан, «разоружать, направлять на работу, а в случае отказа от работы — изгонять обратно в Маньчжурию»<sup>28</sup>.

В Коминтерне были обеспокоены ростом провокаторов в корейском коммунистическом движении. В январе 1936 г. в докладной записке в Секретариат ИККИ о положении с коммунистическими кадрами в Корее, было высказано предложение «до оформления руководства Коммунистической партии Кореи прекратить допуск в Советский Союз корейцев — политзаключенных и возвращенцев — как из Кореи, так и из Маньчжурии. В отношении лиц, которые известны в стране как крупные революционные деятели, решать [вопрос] каждый раз отдельно с согласия ИККИ»<sup>29</sup>. В этом смысле представляется вполне естественным решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 г., которое предписывало незамедлительно приступить к высылению корейцев из ДВК «с целью пресечения проникновения японского шпионажа»<sup>30</sup>.

Материалы изученных нами следственных дел из архивного отдела Управления КГБ по Кустанайской области свидетельствуют о нарастании числа переходов корейских «беженцев из Китая» в течение 1935–1937 гг. Например, по имеющимся у нас архивным данным в Кустанайскую область были переселены 13 «красных партизан», перешедших границу за время с осени 1935 г. и до конца осени 1937 г. По времени перехода через границу: в сентябре — ноябре 1935 г. перешли 2 человека, в сентябре 1936 г. — 3 человека, за январь — сентябрь 1937 г. — 8 человек. Наряду с китайскими и корейскими солдатами и «красными партизанами», через китайско-советскую границу переходили обычные перебежчики. За это же время были задержаны советскими пограничниками семеро не

26. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 183. Цит. по: Лыкова Е.Н. «Корейский вопрос» в аграрной политике советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Известия Восточного института, 2016/1(29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskiy-vopros-v-agrarnoy-politike-sovetskogo-gosudarstva-na-dalnem-vostoke-v-1920-1930-e-gody>.

27. Бэ Ын Гиёнг. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века. Автореф. дисс. канд. ист. н. М., 1998. С. 13.

28. Системная история международных отношений в двух томах. Т. 1. М., 2007. С. 240.

29. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 719–720.

30. Протокол № 52 Решение Политбюро ЦК ВКП (б) за 1 августа — 9 сентября 1937 г. // ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007. С. 723.

участвовавших в антияпонском сопротивлении перебежчиков: в мае 1936 г. — 1 человек; в августе — сентябре 1936—3 человека; и в мае 1937 г. — 3 человека.

Партизаны надеялись найти на советской территории не только временное укрытие от японских войск, но и надежное убежище для себя и своих близких. Поэтому границу они переходили не только поодиночке, но и группами по два—три десятка человек и большими смешанными группами численностью до 50–60 партизан вместе с семьями и даже крупными остатками партизанских отрядов, иногда численностью до 160 человек<sup>31</sup>.

После задержания на границе советской погранохраной партизаны и их семьи, вместе с другими арестованными за нелегальный переход советской границы, помещались в политические изоляторы НКВД на срок не менее 17 дней, затем содержались в лагере НКВД около ж/д станции Манзовка Уссурийской железной дороги (в южной части Приморья) и некоторые другие центры содержания перебежчиков, где работали в Манзовском рисосовхозе НКВД и под надзором в близлежащих колхозах. Они ждали решения своей дальнейшей судьбы: или депортации в Китай (точнее в Маньчжоу-го), где их ждут японские репрессалии; или же разрешения остаться на территории СССР<sup>32</sup>.

### Переселение корейцев из Дальневосточного края РСФСР

В условиях нарастания напряженности в отношениях между СССР и Японией в конце 1930-х годов была начата тотальная депортация корейцев из Дальневосточного края РСФСР. Японский исследователь Харуки Вада писал о причинах депортации корейцев, ссылаясь на слова перебежавшего к японцам руководителя Дальневосточным УНКВД Люшкова: «Сталин не доверял корейцам, поскольку они жили недалеко от пограничной зоны, и он верил, что японцы будут продолжать засыпать корейцев в качестве агентов на советскую территорию»<sup>33</sup>. Харуки Вада называет принудительное переселение корейцев «бесчеловечной мерой», но признает, что она «оказалась эффективной против японского шпионажа в контексте международной напряженности на Дальнем Востоке в 1930-х годах, но, конечно, даже такой результат не оправдывает само действие»<sup>34</sup>.

Российский исследователь политических репрессий в СССР Н.Ф. Бугай считал депортацию корейцев 1937 г. проявлением политики, которая «...основывалась на различных

31. Архив Управления КГБ по Кустанайской области. Архивное дело Пак Чи-ена № 01983, л. 7.

32. По нашим подсчетам всего было вывезено со станции Манзовка Уссурийской железной дороги, то есть бывших обитателей Манзовского совхоза/лагеря НКВД, не менее 36 мужчин — перебежчиков из Китая. Из них 21 человек был арестован и расстрелян в октябре 1938 г., а еще один перебежчик Ли Сен-лим «умер в кустанайской больнице накануне ареста его товарищей [см. сл.д. Цой Ен-гона № 3482, ед. хр. 01913, архив УКГБ по Кустанайской области, л. 9.]. Проведенные нами анализ мест выселения корейцев из ДВК и мест их вселения в Кустанайскую область показал, что в 3–5 селениях области в начале 1939 г. оставались на свободе 14 мужчин — перебежчиков из Китая, несколько женщин — глав хозяйств (семей) и не менее 11 детей в возрасте от нескольких месяцев до 16 лет, прибывших со станции Манзовка в феврале 1938 г. При условии, что всего в Кустанай были отправлены из Манзовского лагеря НКВД 36 корейцев-мужчин, из которых были арестованы, судимы, осуждены и приговорены за шпионаж в пользу Японии к ВМН 21 человек, а 14 человек не подверглись аресту после депортации, то легко подсчитать показатели (%) арестованных, осужденных и казненных перебежчиков по отношению к их общему числу  $21:36 \times 100 = 58,3\%$ . Это ненамного больше приводимых цифр приговоренных к смерти у других народов СССР в годы Большого террора (50,7%). Полагаем, однако, что использованные нами данные недостаточно репрезентативны.

33. *Haruki Wada*. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // *Koreans in the Soviet Union* / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987, p. 50.

34. *Haruki Wada*. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // *Koreans in the Soviet Union* / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987, p. 52.

вымыслах о мнимом шпионаже, неблагонадёжности и т.п.»<sup>35</sup>. В кампанию по выявлению иностранных шпионов были вовлечены, помимо, корейцев китайцы, немцы, поляки. «Остававшиеся дома, освобождённые корейцами и китайцами, заселялись сразу же уходившими в запас красноармейцами или гражданами, прибывавшими на Дальний Восток по набору...»<sup>36</sup>. Японский исследователь Хидесуке Кимура также считает, что «в действительности, корейцы советского Дальнего Востока были депортированы... потому, что советское правительство сомневалось в их лояльности после японского вторжения в Маньчжурию»<sup>37</sup>. По сообщениям советской разведки, японское правительство рассчитывало на помощь корейцев в случае войны против СССР, ибо считало их «японскими подданными»; более того, оно неоднократно обращалось с просьбой вернуть всех советских корейцев Японии<sup>38</sup>. Подобного рода информация только укрепила мнение Сталина в необходимости переселения корейского населения с Дальнего Востока в глубь страны.

Проблемам депортации корейцев из Дальневосточного края РСФСР посвящено огромное количество исторических работ, анализ которых выходит за рамки данной статьи<sup>39</sup>. Причины депортации российских корейцев здесь упомянуты в связи тем, что корейские иммигранты, спасавшиеся бегством из Маньчжурии на советскую территорию, оказались среди других депортированных из Дальневосточного края РСФСР в Казахстан и Узбекистан корейцев. Многие из перебежчиков были вновь арестованы местными органами НКВД. Корейские иммигранты в Маньчжурии, перешедшие на советскую территорию в 1935–1937 гг., не имели гражданства СССР. Но его отсутствие не мешало органам НКВД обращаться с ними, пренебрегая нормами международного права в отношении иностранных подданных, даже обвиняемых в нарушении советских законов<sup>40</sup>. По законодательству СССР (РСФСР) всякий нелегальный переход через со-

35. Бугай Н.Ф. Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994. С. 127.

36. Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8, № ½, С. 52–66.  
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaytsy-v-sssr-i-rossii-politika-dvuh-standartov-1920-1940-e-gody> (дата обращения: 20.01.2020).

37. Hidesuke Kimura. Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Koreans in the Soviet Union. Edited by Dae-Sook SUH. Honolulu, 1987, p. 88.

38. Сон Ж.Г. Российские корейцы: всевидение власти и бесправие этнической общности 1920–1930. С. 402.

39. Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб, 2007; Югай Г.А. Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков. Алматы, 2007; Сон Ж.Г. 1920–1930-е годы: советские корейцы — жертвы «Большого террора» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006; Чернулицка Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2011; Кропачев С.А., Кричко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. Москва, Берлин, 2019.

40. Некоторые корейские «красные партизаны» — перебежчики из Китая, перешедшие через советскую границу уже после полной зачистки Дальневосточного края от корейцев, в феврале и мае 1939 г., были арестованы, но потом освобождены за «недоказанностью обвинения». См.: например: Кин Ли Ун, Кин Сю Мири, Кин Ни До, Ли Си Чун, переходившие через границу в районе Хингана 13 мая 1939 г., были «из-под стражи освобождены» и их дела (по ст.58. п. 6) «были прекращены». Книга памяти Хабаровского края.  
URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD\\_%D0%9B%D0%B8\\_%D0%A3%D0%BD\\_\(1880\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD_%D0%9B%D0%B8_%D0%A3%D0%BD_(1880)); [https://ru.openlist.wiki/%D0%9B%D0%B8\\_%D0%A1%D0%B8\\_%D0%A7%D1%83%D0%BD\\_\(1871\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9B%D0%B8_%D0%A1%D0%B8_%D0%A7%D1%83%D0%BD_(1871)).

ветскую границу являлся преступлением и подлежал наказанию вне зависимости от гражданства конкретных лиц. Известно, правда, что советская власть пошла на уступки требованиям правительства Гоминьдана в 1937–1938 гг. и разрешила большинству китайских перебежчиков, оставшихся на свободе и не расстрелянных в годы «ежовщины», вернуться на родину, в Китай<sup>41</sup>.

В ходе депортации корейцев осенью 1937 г. практически все «перебежчики из Китая» (корейцы по этнической принадлежности) были отправлены в Казахстан и Узбекистан в последних эшелонах, в которых вывозили корейцев, остававшихся на рыбных промыслах Камчатки и золотых приисках Восточной Сибири. Вынужденное «путешествие» «перебежчиков из Китая» началось в конце ноября 1937 г. — начале января 1938, а пик полутора-двухмесячного переезда пришелся на самые холодные зимние месяцы. Так, в Кустанайскую область одну группу «перебежчиков из Китая» численностью не менее 20–30 человек, сопровождаемых сотрудниками НКВД, привезли не ранее середины февраля 1938 г.

### **Судьбы корейских перебежчиков, переселенных в кустанайскую область**

Протоколы кустанайских допросов перебежчиков из Китая отражают основные вехи их жизненного пути, начавшегося на Дальнем Востоке и окончившегося в Кустанайской области<sup>42</sup>. В протоколах записаны признания всех арестованных Кустанае в 1938 г. перебежчиков в том, что они были завербованы японской разведкой и признаются в шпионаже против СССР в пользу Японии. Перебежчиков арестовывали не только после завершения депортации, но и в течение 2–6 месяцев после распределения депортированных корейцев на новые места жительства и работы в Кустанайской области. Всего в Кустанае в 1937–1938 гг. были арестованы 105 корейцев — мужчин-глав семей и одиночек. Это были 15 человек административно высланных, 22 находившихся в Манзовке перебежчика из Китая, считая 1 умершего в кустанайской больнице до ареста, и еще 68 мужчин — глав депортированных семей и одиночек, высланных из ДВК по постановлению 1937 года. Из 105 арестованных корейцев 85 человек были расстреляны; из них 75 человек были осуждены как японские шпионы и расстреляны в октябре 1938 г. [Подсчитано нами по архивно — следственным делам всех арестованных и осужденных в Кустанае в 1937–1938 гг. корейцев, переселенных с советского Дальнего Востока в Кустанайскую область, включая административно высланных в 1936 г., а также по сведениям сайта МВД Республики Казахстан]<sup>43</sup>. Все они были впоследствии реабилитированы.

Одни из них признавали себя японскими шпионами уже на первом допросе, некоторые шли на самообвинение после нескольких допросов, но в течение максимум 2–3 месяцев кустанайские следователи получали желательные им «признания» обвиняемых, чего ранее не могли добиться следователи на Дальнем Востоке. Местные следователи применяли к перебежчикам жестокие способы ведения следствия, такие же, как и ко всем репрессированным в годы «большого террора» — «поголовное избиение арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки,

41. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Гл. 3. п. 3.3.3. Массовые операции по арестам китайцев (декабрь 1937 — март 1938 г.). С. 258, п. 3.3.4. Депортация китайцев 1938 г. С. 262. Владивосток, 2011.

42. Фамилии, имена арестованных в Кустанайской области корейцев — перебежчиков даны в Приложении.

43. Министерство внутренних дел Республики Казахстан. URL: [http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/Memorial/mem\\_search?\\_piref133\\_38663114\\_133\\_30566945\\_30566945.\\_\\_ora\\_navigValues=\(дата обращения: 20.01.2020\).](http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/Memorial/mem_search?_piref133_38663114_133_30566945_30566945.__ora_navigValues=(дата обращения: 20.01.2020).)

длительное лишение сна, содержание арестованных в раздетом виде в холодном carcere и многое другое»<sup>44</sup>.

Есть прямое свидетельство очевидца подобной практики в Кустанайском УНКВД. Методы допросов в кустанайской тюрьме откровенно изложены в документе под названием «Выписка из рапорта сотрудника УГБ УНКВД по Кустанайской области ст. лейтенанта ГБ Дворкина тов. Блинову». В этой выписке, в частности, написано: «4. Ведение следствия по шпионажу было крайне упрощенным. Следствие не интересовалось истинным положением вещей, лишь бы подследственный сознался....Особенно упрощенно велось следствие по корейцам, как-то: брались несколько человек из камеры, где сидели на конвейере без пищи примерно 5 суток, после чего [они] давали показания, их отпускали в камеру и тогда брали на допрос остальных, которые тут же сознавались. Мне самому в сутки приходилось оформлять по пять шпионских дел. Конечно, правдивость этих показаний вызвала большие сомнения [л.45], ибо ни один факт из показаний никогда не проверялся [л.46] — даты под рапортом нет» [архивное дело № 7–08]<sup>45</sup>. В момент написания рапорта Дворкин был начальником следственной тюрьмы; подлинник рапорта хранится в архивно-следственном деле № 47350 по обвинению Павлова, в УАО КГБ при СМ КазССР.

Примеры пыток из других архивно-следственных дел: обвиняемый за принадлежность к шпионско-вредительской организации бывший председатель колхоза 5 Декабрь Кустанайского района Хён-Тай Николай Васильевич (1899 г.р.) был допрошен 12 раз за период с 5 ноября 1938 г. по 23 января 1939 г. На судебном заседании Хён-Тай Н.В. сказал: «Следователь мне говорил, пока я не дам нужных показаний, он будет издеваться надо мной... Следователь Королёв избивал меня, вынуждая этим у меня показания» [Выписки Тена В.А. из следств. дела Хён-Тай Николая Васильевича (1899 г.р., Корея), арест. 2 ноября 1938 г. в пос. Красный партизан Кустанайской области по обвинению в принадлежности к шпионско-вредительской организации в архивном отделе Управления КГБ КазССР по Кустанайской области, лл. 309–310]. На суде 13/VI — 39 г. Хён-Тай снова повторил, что «на предварительном следствии у меня вынуждали давать показания и когда я отказывался дать показания о моей якобы принадлежности к шпионско-вредительской организации, то следователь не давал мне по несколько дней пищи и отдыха и я вынужден был подписать вымышленные показания» [Там же, л. 310]. Свидетель Ким Дя-юр говорил на суде: «При допросе ко мне применяли непрерывный метод следствия (конвейер)... следователь сам написал протокол и предложил мне его подписать. Я отказался, и тогда следователь с револьвером в руке угрожал стрелять, говоря: «Убить собаку жалко, а тебя ничего не стоит». Так продолжалось две ночи и в другое время обливали мою голову водой и душили. Я не выдержал такой допрос и подписал протокол не зная, что там написано. На конвейере я стоял на ногах 6–7 суток...» [Там же, л. 330]. Примерно то же самое говорил и другой свидетель Ким Михаил П.: «в камере мне арестованные рассказывали, что существует непрерывный метод следствия (конвейер), его никто не выдерживал и не выдержит, а поэтому отказываться бесполезно.... что укажет следователь, а ты должен подтвердить.... я был вынужден показывать ложные показания Я не представляя никакого отчёта (так в тексте. — *Авторы*). подписал протокол. Поэтому мои показания ложные и ничем не

44. Рыбаковский Л.Л. Политический террор 1937–1938 гг. (К 75-летию сталинских репрессий в СССР). М., 2013. С. 145.

45. Архивно-следственное дело № 47350 по обвинению Павлова УАО КГБ при СМ КазССР, л. 45, 46.

обоснованы» [Там же, Выписки Тена В.А из сл. д. Хён-Тай Н.В., архив УКГБ по Кустанайской области, л. 331]<sup>46</sup>.

Описанные выше «методы дознания» объясняют быстроту «признаний» в шпионаже и контрреволюционной деятельности корейских «перебежчиков из Китая», сделанных ими на допросах в кустанайской тюрьме. Так, составленные следователями протоколы допросов большинства перебежчиков показывают, что признали себя японскими агентами уже в начале первого допроса три человека, к концу первого допроса — десять человек, на втором допросе — три человека, на третьем — 1 человек; но один из депортированных корейцев выдержал 19 допросов в течение 3-х месяцев.

Среди арестованных и осужденных в Кустанае корейцев—перебежчиков из Китая можно условно выделить две группы. К первой группе относятся перебежавшие из Китая антияпонские, или «красные», партизаны. Вторую группу составляют перебежчики, которые не участвовали в антияпонском партизанском движении [см. Приложение]. Ниже излагаются биографические сведения демографического и социального характера, содержащиеся в Анкетах арестованного и Протоколах допросов корейцев — «перебежчиков из Китая» 1935–1937 гг. В совокупности эти данные позволяют составить социально-демографический портрет корейских иммигрантов в Маньчжурии, включая участников антияпонского сопротивления середины 30-х годов. Отметим, среди кустанайских жертв «ежовщины» из числа перебежчиков не было женщин, хотя многие перебежчики были женаты и депортированы вместе с членами своих семей. Жен осужденных корейцев, тем более перебежчиков, не приравнивали к членам семей изменников родины — ЧСИР. Для ЧСИР были отдельные зоны и лагеря. Никто из жен корейцев, арестованных в Кустанае, осужденных и казненных в 1938 г., не был арестован или судим.

Большинство оказавшихся в Кустанае корейцев-перебежчиков назвались «китайскими подданными» — 7 человек и «гражданами Китая» — 4 человека; гражданами СССР — 2 человека; подданными Маньчжоу-го — 3 человека; без гражданства — 3 человека; гражданство 2-х человек не установлено. Среди «перебежчиков — красных партизан» были четверо «китайских подданных» и четверо «граждан Китая»; двое «граждан СССР»; один «подданный Маньчжоу-го»; без гражданства — 1 человек. Гражданство одного человека из группы «красных партизан» не установлено, но он назвался «подданным СССР». Среди «перебежчиков — не партизан» трое сказали о себе, что они «подданные Китая»; двое — подданные Маньчжоу-го; «без гражданства» — 2 человека. Один из перебежчиков был, вероятно, контрабандистом, но при аресте назвал себя «гражданином СССР». Большинство перебежчиков из Китая были представителями беднейших слоев крестьянства (64%), малограмотными (50%) или вообще безграмотными (14%), не владеющие русским языком (90%). До перехода в СССР более половины из обозначенной нами группы были бойцами антияпонского движения. В целом они были достаточно молоды на момент ареста: (82% мужчин в возрасте до 35 лет); самому молодому из них Ли Су-Иру было всего 18 лет. Только двое из задержанных обозначили свою партийную принадлежность — являлись членами компартии Китая, один — китайского комсомола, 38% были беспартийные, у половины в анкетах отсутствовали данные о партийной принадлежности.

46. В других случаях также использовался метод «конвейер»: обвиняемого Цой Дю-Сена (1908 г.р.) по ст. 58. П. 1а. допрашивали 12 раз, начиная с 31 октября 1938 г. и до начала февраля 1939 г., главным образом до глубокой ночи, в том числе 9 подряд допросов с 7-го по 15 декабря; требуемые следователем признания в участии в фракционной борьбе в корейском движении Цой дал после 5-го допроса [л.30], но признаваться в шпионаже против СССР не стал. В результате Цой Дю-Сен, начавший работать учителем в Фёдоровской школе, 25 марта 1939 г. был освобожден «за недостаточностью улик» [Архив УКГБ по Кустанайской области, арх. дело № 01412, лл. 4–58].

Всем перебежчикам было предъявлено обвинение по ст. 58 п. 6 УК РСФСР и они были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу) за шпионаж в пользу Японии. Был расстрелян 21 арестованный перебежчик из Китая, один перебежчик умер в кустанайской больнице вскоре прибытия, еще до начала арестов. Судя по имеющимся в делах выпискам из Актов об исполнении приговоров (или отметках на постановлении о приговоре), расстрелы производились 8-го или 15-го октября 1938 г.<sup>47</sup> В течение трех периодов реабилитации жертв политических репрессий: начала 1950-х годов, первой половины 1960-х годов и с 1989 по 2000-е годы были реабилитированы практически все перебежчики из Китая 1935–1938 г., казненные в Кустанае.

## Заключение

Судьбы корейских иммигрантов середины 1930-х годов из Китая в СССР сложились трагически. В данной статье на основе ранее не публиковавшихся архивно-следственных дел Кустанайского УНКВД мы рассмотрели частный случай того, как расправлялись в годы «большого террора» с обвиненными в японском шпионаже корейскими перебежчиками. Хотя в целом история корейских иммигрантов из Маньчжурии повторяет широко распространенную в отношении «антисоветских элементов» в 1937–1938 гг. практику репрессий, физической расправы, но есть и определенные отличия. Как было показано выше, появление корейских иммигрантов из Маньчжурии в СССР было следствием международной конфигурации, сложившейся на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х годов, а также культурно-исторических связей между Россией и Кореей. Не будучи гражданами СССР (за редким исключением), корейские перебежчики из Маньчжурии неожиданно для себя попали в жернова массовой операции НКВД по выявлению японских шпионов, обусловленной как внутривнутриполитическими факторами, так и внешней угрозой, исходящей со стороны Японии после ее вторжения в Китай. Реабилитация почти всех, за исключением 1–2 человек, корейских перебежчиков, расстрелянных в 1938 г. в Кустанае, доказала, что они оказались жертвами тотального террора, применяемого как к «своим», так и к «чужим» в СССР. В то же время нельзя не учесть факт вынужденной миграции корейцев, причина которой заключалась в агрессивной политике Японии, сначала аннексировавшей Корею (1910), а затем приступившей к реализации плана по созданию Великой восточноазиатской сферы процветания, что обернулось глобальным военным конфликтом. Таким образом, в истории корейских иммигрантов, бежавших в СССР, очевидно, прослеживается международный фактор, трагически предопределивший их судьбы на советской территории в условиях шпиономании второй половины 1930-х годов.

---

47. Общая численность корейцев, депортированных из Дальневосточного края в Кустанайскую область в 1937–1938 гг., может быть определена в 4850 человек (цифра взята как средняя из данных разных источников). Из них были арестованы и судимы 100 корейцев, из них были освобождены 10 человек «за недостаточностью доказательств». Были арестованы и осуждены 90 человек, из них 7 человек приговорены к ИТЛ сроком от 3 до 10 лет. Число расстрелянных — 83 человека, из них 61 человек за шпионаж в пользу Японии согласно ст. 58.п.6. УК РСФСР. Доля корейцев — жертв политических репрессий 1937–1938 гг. в Кустанайской области в числе арестованных и осужденных составила:  $90 : 100 = 0,9$ , или 90%, а доля погибших среди осужденных равняется:  $83 : 90 \times 100\% = 92,2\%$ . По этому показателю российские корейцы входят в тройку—пятерку национальностей СССР, наиболее пострадавших от этнических чисток 1930–1940-х годов. Так, по подсчетам Л.Л. Рыбаковского в 1937–1938 гг. доля приговоренных к высшей мере в общем числе всех осужденных иностранцев «составила 78.7%, причем среди поляков, немцев, эстонцев, финнов, литовцев и греков — даже 81–82%».

URL: <http://rybakovsky.ru/demografia5a8.html>.

### Приложение

Фамилии и имена корейских перебежчиков из Китая, расстрелянных в г. Кустанай (Казахстан) в 1938 г. и номера их архивно-следственных дел в архиве УКГБ при Совете министров Казахской ССР по Кустанайской области (по состоянию на 1990 год). Корейские имена записаны так, как указано в архивных документах.

|     | Группа «красных партизан»  | Г. Р. | Перебежчики, не участвовавшие в антияпонском движении в Китае | Г. Р. |
|-----|----------------------------|-------|---------------------------------------------------------------|-------|
| 1.  | Ким Хван Дин               | 1906  | Пак Дюгон                                                     | 1911  |
| 2.  | Когай Енсу                 | 1910  | Ким Черсу                                                     | 1905  |
| 3.  | Ли Чин-тин (Ли Чун-тай)    | 1900  | Ким Хобом (Хобен)                                             | 1918  |
| 4.  | Цой Хен-Шун                | 1900  | Пак Ха Ун                                                     | 1907  |
| 5.  | Пэ Кён-юр (Пэй Кён-юр)     | 1907  | Ли Су — Ир (иль)                                              | 1919  |
| 6.  | Ким Сын-Чик                | 1910  | Ан Хосек                                                      | 1914  |
| 7.  | Кан Ен-чер                 | 1916  | Пак Пён Себ                                                   | 1903  |
| 8.  | Пак Чи-ён                  | 1917  | Цой Чи Хан (Цой Чи-хон)                                       | 1889  |
| 9.  | Цой Кен                    | 1894  |                                                               |       |
| 10. | Цой Енг-Вон                | 1916  |                                                               |       |
| 11. | Тек (Тен) Донгу            | 1911  |                                                               |       |
| 12. | Хван Сек Ха (Хван Сек Хак) | 1915  |                                                               |       |
| 13. | Ли Сен-Лим                 | н/д   |                                                               |       |
| 14. | Ногай Леонтий Митрофанович | 1915  |                                                               |       |

### Литература

АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 7. П. 108. Д. 14. Л. 110.

Архив Управления КГБ по Кустанайской области. Архивное дело Пак Чи-ена № 01983, л. 7.

Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8, № ½, С. 52–66.

Бугай Н.Ф. Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994.

Бэ Ын Гиёнг. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века. Автореф. дисс. канд. ист. н. М., 1998.

ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

Гайкин В.А. Антияпонское сопротивление в Юго-Восточной Маньчжурии (1937–1941) // Россия и АТР. 2010. № 2.

Гайкин В.А. Антияпонская борьба корейских партизан в Маньчжоу-го (начальный этап) // АТР и Россия, 2012. № 2.

Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии // Россия и АТР, 2012.

ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 183.

Ким Г.Н. «История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. — 1945». Алматы, 1999.

Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г.

Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы. Владивосток, 2004. Кошкин А. Об истории японской интервенции на Дальнем Востоке и Сибири.

URL: [regnum.ru/news/polit/2425353.html](http://regnum.ru/news/polit/2425353.html).

Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. Москва, Берлин, 2019.

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009. С. 378.

Ли Вл.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век). М., 2000.

Лыкова Е.Н. «Корейский вопрос» в аграрной политике советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Известия Восточного института, 2016/1(29).

- Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб, 2007.
- Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). Москва — Иркутск, 1995.
- Пан Бён Юль. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalniy-vostok-1905-1910-gg>.
- Протокол № 52 Решение Политбюро ЦК ВКП (б) за 1 августа — 9 сентября 1937 г. // ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007.
- РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 115. Л. 16.
- Рыбаковский Л.Л. Политический террор 1937–1938 гг. (К 75-летию сталинских репрессий в СССР). М., 2013.
- Системная история международных отношений в двух томах. Т. 1. М., 2007.
- Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999.
- Сон Ж.Г. 1920–1930-е годы: советские корейцы — жертвы «Большого террора» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006.
- Сон Ж.Г. Российские корейцы: всеислие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М., 2013.
- Черепанов К.В. Между Китаем и Японией. Дальневосточная стратегия СССР в 1931–1941 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4(16).
- Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2011.
- Юзай Г.А. Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков. Алматы, 2007.
- Gelb Michael. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review, Vol. 54, No. 3. (July, 1995).
- Haruki Wada. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987.
- Hidesuke Kimura. Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Koreans in the Soviet Union. Edited by Dae-Sook SUH. Honolulu, 1987.
- Lee Ki-baik. A New History of Korea. Cambridge, 1987.
- Nahm Andrew C. Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988.

## References

- AVPRF. F. 0146. Op. 7. P. 108. D. 14. L. 110.
- Arxiv Upravleniya KGB po Kustanajskoj oblasti. Arxivnoe delo Pak Chi-ena № 01983, l. 7.
- Bugaj N.F. Kitajcy v SSSR i Rossii: politika dvux standartov (1920–1940 e gg.). Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya my'sl'. 2016. Tom 8, № ½, S. 52–66.
- Bugaj N.F. Tragicheskie soby'tiya ne dolzhny povtorit'sya // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo vostoekovedeniya. M., 1994.
- Be' Y'n Giyoung. Sovetskie korejcy v 20–30 e gody' XX veka. Avtoref. diss. kand. ist. n. M., 1998.
- VKP (b), Komintern i Koreya. 1918–1941.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshhie itogi. Sbornik dokumentov i materialov. M., 2007.
- Gajkin V.A. Antiyaponskoe soprotivlenie v Yugo-Vostochnoj Man'chzhurii (1937–1941) // Rossiya i ATR. 2010. № 2.
- Gajkin V.A. Antiyaponskaya bor'ba korejskix partizan v Man'chzhou-go (nachal'nyj e'tap) // ATR i Rossiya, 2012. № 2.
- Gajkin V.A. Yaponskaya intervenciya na Dal'nij Vostok Rossii (1918–1922) i antiyaponskaya bor'ba v Man'chzhurii // Rossiya i ATR, 2012.
- GAXK. F. 537. Op. 1. D. 48. L. 183.
- Kim G.N. «Istoriya immigracii korejcev. Vtoraya polovina XIX v. — 1945». Almaty', 1999.
- Konvenciya ob osnovny'x principax vzaimootnoshenij mezhdru SSSR i Yaponiej ot 20 yanvary 1925 g.

- Korejcy na Rossijskom Dal'nem Vostoke (1917–1923 gg.). Dokumenty i materialy. Vladivostok, 2004.
- Koshkin A. Ob istorii yaponskoj intervencii na Dal'nem Vostoke i Sibiri. URL: [regnum.ru/news/polit/2425353.html](http://regnum.ru/news/polit/2425353.html).
- Kropachev S.A., Krinko E.F. Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya. Moskva, Berlin, 2019.
- Kurbanov S.O. Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka. SPb., 2009. S. 378.
- Li V.I.F. Rossiya i Koreya v geopolitike evrazijskogo Vostoka (XX vek). M., 2000.
- Ly'kova E.N. «Korejskij vopros» v agrarnoj politike sovetского gosudarstva na Dal'nem Vostoke v 1920–1930 e gody // Izvestiya Vostochnogo instituta, 2016/1(29).
- Mil'bak V.S. Osobaya Krasnoznamennaya Dal'nevostochnaya armiya (Krasnoznamennyj Dal'nevostochnyj front). Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushhego sostava, 1937–1938 gg. SPb, 2007.
- Pak B.D. Korejcy v Sovetskoj Rossii (1917 — konec 1930 x godov). Moskva — Irkutsk, 1995.
- Pan Byon Yul'. Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie Korei i rossijskij Dal'nij Vostok (1905–1910 gg.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossijskij-dalnij-vostok-1905-1910-gg>.
- Protokol № 52 Reshenie Politbyuro CzK VKP (b) za 1 avgusta — 9 sentyabrya 1937 g. // VKP (b), Komintern i Koreya. 1918–1941. VKP (b), Komintern i Koreya. 1918–1941. M., 2007.
- RGVA. F. 33879. Op. 1. D. 115. L. 16.
- Ry'bakovskij L.L. Politicheskij terror 1937–1938 gg. (K 75 letiyu stalinskix repressij v SSSR). M., 2013.
- Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyx otnoshenij v dvux tomax. T. 1. M., 2007.
- Slavinskij B.N. SSSR i Yaponiya — na puti k vojne: diplomaticheskaya istoriya. 1937–1945 gg. M., 1999.
- Son Zh.G. 1920–1930 e gody: sovetskie korejcy — zhertvy «Bol'shogo terrora» // Problemy istorii massovyx politicheskix repressij v SSSR. K 70 letiyu nachala «Bol'shogo terrora». Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Krasnodar, 2006.
- Son Zh.G. Rossijskie korejcy: vsesilie vlasti i bespravie etnicheskoy obshhnosti 1920–1930. M., 2013.
- Cherepanov K.V. Mezhdru Kitaem i Yaponiej. Dal'nevostochnaya strategiya SSSR v 1931–1941 gg. // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 4(16).
- Chernoluczkaya E.N. Prinuditel'ny'e migracii na sovet'skom Dal'nem Vostoke v 1920–1950 e gody. Vladivostok, 2011.
- Yugaj G.A. Zhizn' i sud'ba repressirovannyx korejcev v SSSR i ix potomkov. Almaty, 2007.
- Gelb Michael. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review, Vol. 54, No. 3. (July, 1995).
- Haruki Wada. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987.
- Hidesuke Kimura. Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Koreans in the Soviet Union. Edited by Dae-Sook Suh. Honolulu, 1987.
- Lee Ki-baik. A New History of Korea. Cambridge, 1987.
- Nahm Andrew C. Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988.